

**Александр Порфирьевич Бородин**

**Александр Порфирьевич Бородин**

**Его жизнь, переписка и музыкальные статьи.  
1834-1887**

УДК 93  
ББК 63.3  
А46

А46 **Александр Порфирьевич Бородин**  
Александр Порфирьевич Бородин: Его жизнь, переписка и музыкальные статьи. 1834-1887 / Александр Порфирьевич Бородин – М.: Книга по Требованию, 2017. – 180 с.

**ISBN 978-5-8749-8538-7**

**ISBN 978-5-8749-8538-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2017  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



37. Къ Л. И. Кармалиной. С.-Петербургъ, 19-го января 1877 г. ....	68
38. Къ К. С. Бородиной. Ена, 3-го іюля 1877 г. ....	70
39. Къ ней же. Ена, 12-го іюля 1877 г. ....	77
40. Къ ней же. Ена, 18-го іюля 1877 г. ....	81
41. Къ ней же. Марбургъ, 23-го іюля 1877 г. ....	85
42. Къ ней же. Гейдельбергъ, 30-го іюля 1877 г. ....	87
43. Къ В. В. Стасову. Среда, 22-го ноября 1877 г. ....	90
44. Къ нему же. 2-го апрѣля 1878 г. Выборгская. Сами знаете гдѣ Число, мѣсяць и годъ на конвертѣ. ....	90
45. Къ А. П. Діанину. Давыдово, 12-го августа 1878 г. ....	91
46. Къ нему же. Августъ 1878 г. ....	91
47. Къ Л. И. Шестаковой. Октябрь, 1878 г. ....	91
48. Къ ней же. 2-го января 1879 г. ....	92
49. Къ В. В. Стасову. 31-го января 1879 г. ....	92
50. Къ нему же. Село Давыдово. Владимірской губерніи и уѣзда. 4-го августа 1879 г. ....	92
51. Къ Н. А. Римскому-Корсакову. Село Давыдово, 4-го августа 1879 г. ....	93
52. Къ В. В. Стасову. С. Давыдово, 15-го августа 1879 г. ....	94
53. Къ нему же. Соколово, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда. 23-го іюля 1880 г. ....	95
54. Къ Л. И. Шестаковой. 8-го ноября 1880 г. ....	98
55. Къ К. С. Бородиной. Москва, 22-го декабря 1880 г. ....	98
56. Къ В. В. Стасову. 10-го января 1881 г. ....	98
57. Къ нему же. Суббота, 31-го января 1881 г. ....	99
58. Къ Л. И. Шестаковой. 25-го мая 1881 г. ....	99
59. Къ К. С. Бородиной. Магдебургъ, 30-го мая 1881 г. ....	99
60. Къ Н. Н. Римской-Корсаковой. Магдебургъ, 1-го (13) іюня 1881 г. ....	100
61. Къ К. С. Бородиной. Веймаръ, 7-го (19-го) іюня 1881 г. ....	102
62. Къ Ц. А. Кюи. Лейпцигъ, 12-го іюля 1881 г. ....	104
ПРИЛОЖЕНІЕ. ....	106
63. Къ Ѳ. П. Стравинскому. 9-го января 1882 г. ....	115
64. Къ В. В. Стасову. 3-го февраля 1882 г. ....	115
65. Къ А. Н. Моласъ. 3-го февраля 1882 г. ....	115
66. Къ Н. А. Римскому-Корсакову. 16-го апрѣля 1882 г. ....	116
67. Къ В. В. Стасову. 31-го мая 1882 г. ....	116
68. Къ Л. И. Шестаковой. 3-го января 1883 г. ....	116
69. Къ Ѳ И. Стравинскому. 6-го февраля 1883 г. ....	117
70. Къ М. П. Бѣляеву. 18-го апрѣля 1883 г. ....	117
71. Къ В. В. Стасову. 4-го августа 1883 г. ....	117
72. Къ К. С. Бородиной. С.-Петербургъ, 18-го іюня 1884 г. ....	117
73. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. Москва, 29-го іюня 1884 г. ....	118
74. Къ ней же. Звенигородъ (Москов. губ.), 15-го сентября 1884 г. ....	119
75. Къ К. С. Бородиной. С.-Петербургъ, 16-го октября 1884 г. ....	120
76. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. С.-Петербургъ, 17-го октября 1884 г. ....	120
77. Къ К. С. Бородиной. С.-Петербургъ, 21-го октября 1884 г. ....	123
78. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. С.-Петербургъ, 22-го октября 1884 г. ....	123

79. Къ ней же. С.-Петербургъ, 23-го октября 1884 г. ....	125
80. Къ ней же. С.-Петербургъ, 6-го ноября 1884 г. ....	125
81. Къ ней же. С.-Петербургъ, 18-го января 1885 г. ....	128
82. Къ ней же. С.-Петербургъ, 28-го января 1885 г. ....	128
83. Къ ней же. С.-Петербургъ, 14-го февраля 1885 г. ....	130
84. Къ графинѣ де-Мерси-Аржанто. С.-Петербургъ, 24-го апрѣля 1885 г. ....	131
85. Къ ней же. С.-Петербургъ, 25-го іюня 1885 г. ....	131
86. Къ К. С. Бородиной. По дорогѣ изъ Веймара въ Льежъ. 4-го (16) августа 1885 г. ....	132
87. Къ графинѣ де-Мерси-Аржанто. Антверпень, 24-го августа 1885 г. ....	133
88. Къ К. А. Протопоповой. Парижъ, (6-го сентября) 25-го августа 1885 г. ....	134
89. Къ К. С. Бородиной. Льежъ, (не помню числа) августа 85. ....	134
90. Къ ней же. По дорогѣ изъ Антверпена въ Лейпцигъ, т. е. во-свояси. 21-го (9-го) сентября 1885 г. ....	135
91. Къ ней же. С.-Петербургъ, 30 ноября 1885 г. ....	137
92. Къ ней же. Спб. 3-го декабря 1885 г. ....	138
93. Къ ней же. С.-Петербургъ, суббота, 7-го декабря 1885 г. ....	139
94. Къ ней же. Льежъ, 25-го декабря 1885 г. ....	140
95. Къ ней же. Брюссель (на поѣздѣ), суббота...1886 г. (Получено 1-го января ст. ст.). ....	142
96. Къ ней же. Замокъ Аржанто, 1-го января 1886 г. ....	143
97. Къ ней же. Замокъ Аржанто, 2-го января 1886 г. ....	144
3-го января, пятница. ....	144
98. Къ И. И. Гаврушкевичу. Москва, 6-го мая 1886 г. ....	144
99. Къ Л. И. Шестаковой. Село Раменское, Московской губерніи. Бронницкаго уѣзда, 6-го августа 1886 г. ....	145
100. Къ К. С. Бородиной. 16-го октября 1886 г. ....	146
101. Къ ней же. Спб., 20-го января 1887 г. ....	146
102. Къ ней же. С.-Петербургъ, 3-го февраля 1887 г. ....	148
103. Къ ней же. С.-Петербургъ, 9-го февраля 1887 г. ....	148
104. Къ ней же. С.-Петербургъ, 14-го февраля 1887 г. ....	149
<b>III МУЗЫКАЛЬНЫЯ СТАТЬИ</b> .....	<b>149</b>
1. Музыкальныя замѣтки. ....	150
I. ....	150
II. ....	154
III Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества. ....	156
IV. Концертъ Бесплатной Музыкальной Школы. — Концерты Русскаго музыкальнаго Общества (7-й и 8-й). ....	163
2) Листъ у себя дома въ Веймарѣ. ....	171
(Изъ личныхъ воспоминаній А. П. Бородина) .....	171
I. ....	171
II. ....	174
<b>НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ А. П. БОРОДИНУ</b> .....	<b>177</b>

## ПРЕДИСЛОВІЕ

Вскоре послѣ кончины А. П. Бородина, въ 1887 году, я издалъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (а также въ видѣ отдѣльной брошюры) жизнь Бородина и нѣсколько писемъ его. Съ тѣхъ поръ матеріалъ мой значительно увеличился.

По моей убѣдительной просьбѣ, жена покойнаго, Кат. Серг. Бородинъ, не взирая на злую и мучительную болѣзнь, которая дала ей всего только на 4 <sup>1</sup>/<sub>2</sub> месяца пережить мужа, — рѣшилась продиктовать одному изъ своихъ знакомыхъ, и одному изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Бородина, Сем. Ник. Кругликову, воспоминанія свои о мужѣ изъ разныхъ эпохъ его жизни. Эти подробности, а равно и другія, вновь мною полученныя съ разныхъ сторонъ, много прибавили характерныхъ свѣдѣній и чертъ къ прежней моей біографіи.

Но еще значительнѣе, по объему и содержанию, собраніе писемъ Бородина, накопившихся у меня за эти два года. Прежде я напечаталъ ихъ 14, теперь печатаю — 104 По моему мнѣнію, многія письма Бородинъ равняются его музыкальнымъ созданіямъ — столько въ нихъ таланта, художественности, мысли, граціи, юмора, силы. Не знаю, много ли равныхъ этимъ письмамъ можно найти во всей нашей литературѣ. Многія между ними — истинныя художественныя созданія. По талантливости, картинности, тонкой наблюдательности и живости, особенно отличаются тѣ письма, гдѣ Бородинъ рассказываетъ свое знакомство и свиданія съ Листомъ въ 1877 и 1881 годахъ. Твердо зная все то, что до сихъ поръ писано о Листѣ, я могу сказать, что ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ такого живаго и глубоко талантливаго портрета высокаго нашего современника. И это оттого, что Бородинъ былъ до глубины души проникнутъ страстнымъ обожаніемъ къ гению и необычайной личности гениальнаго музыканта. Но, кроме такого значенія, письма Бородинъ имѣютъ еще другое, также очень важное. Они заключаютъ въ себѣ очень богатые данныя для исторіи музыкальнаго движенія въ Россіи за его время. Постоянная болѣзнь Кат. Серг. Бородиной заставила ее прожить много лѣтъ вдали отъ неблагопріятнаго петербургскаго климата. Большую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни она прожила въ Москвѣ и ея окрестностяхъ (близъ Москвы, въ селе Раменскомъ, она и скончалась 28-го іюня 1887 года). Привыкнувъ, въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, дѣлиться съ нею всѣми мыслями и ощущеніями, Бородинъ очень часто писалъ ей изъ Петербурга и изъ-за границы, во время своихъ путешествій, решительно обо всемъ его интересовавшемъ, искренно, живо, съ увлеченіемъ. Многочисленныя письма къ товарищамъ, друзьямъ и близкимъ знакомымъ дополняютъ это драгоценное собраніе писемъ, и рисуютъ въ самыхъ картинныхъ и глубокихъ образахъ, и людей, и событія, и самого Бородина, за послѣднія 27 лѣтъ. Въ письмахъ — лучшая и совершеннѣйшая его біографія. Я печатаю письма, какія мнѣ удалось собрать со всѣхъ сторонъ, откуда только возможно было, цѣликомъ, лишь съ пропускомъ подробностей семейныхъ и слишкомъ интимныхъ, или вовсе незначительныхъ.

Наконецъ, я печатаю также нѣсколько музыкальныхъ статей Бородина, напечатанныхъ имъ самимъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 — 69 гг. и въ журналѣ „Искусство“ 1883 года. Найти послѣднія — было не трудно, онѣ напечатаны такъ недавно, и притомъ подписаны фамиліей Бородинъ. Совсѣмъ другое дѣло было со статьями его въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Всѣ ихъ совершенно забыли, даже самые ближайшіе друзья Бородинъ (и не мудрено, нашъ музыкальный кружокъ печаталъ, въ то время, такъ много статей); мы всѣ не помнили даже, въ какомъ году статьи Бородинъ

появились на свѣтъ; притомъ же подъ ними не стояло подписи Бородина. У меня одного, кажется, сохранилось смутное воспоминаніе о статьяхъ, еще рукописныхъ, которыя Бородинъ приносилъ на мой просмотръ еще въ концѣ 60-хъ годахъ. Долгое время всѣ мои поиски были тщетны, но наконецъ, послѣ многихъ моихъ переговоровъ съ Д. А. Кюи, мало-по-малу припомнившимъ прежнія обстоятельства, мнѣ удалось розыскать эти статьи, за подписями: — ъ и Б. А. розыскать эти статьи и сохранить ихъ навсегда съ именемъ Бородина — стоило. Такъ много въ нихъ характерныхъ оцѣнокъ разнообразнѣйшихъ музыкальных произведеній нашего времени и въ высшей степени замѣчательныхъ мненій о талантливѣйшихъ композиторахъ, русскихъ и иностранныхъ. Многія изъ этихъ мнѣній и оцѣнокъ были у Бородина общія съ его друзьями и товарищами по музыкальному дѣлу: Балакиревымъ, Кюи, Мусоргскимъ и Римским-Корсаковымъ. Но многія другія имѣютъ совершенно индивидуальный, свой собственный критическій характеръ. Эти статьи непременно надо было сберечь.

И вотъ, А. С. Суворинъ далъ мнѣ возможность издать въ свѣтъ полную біографію, письма и статьи человѣка, котораго я такъ глубоко, такъ безмѣрно цѣню и обожаю, котораго я считаю предназначеннымъ для великаго будущаго. Благодарность моя — безпредѣльна. Мнѣ кажется, если не теперь, то когда-нибудь впослѣдствіи, это самое скажутъ многіе другіе.

В. Стасовъ.

15-го февраля 1889 г.

(День открытія памятника Бородина).

# I БІОГРАФІЯ

## 1.

Александръ Порфирьевичъ Бородинъ родился 31-го октября 1834 года въ Петербургѣ, въ Измайловскомъ полку. Онъ происходилъ, по отцу, изъ рода князей Имеретинскихъ. На сохранившемся до сихъ поръ у А. П. Діанина портретѣ (масляными красками) отца его, написано: „Родился въ 1772 году“. На сохранившемся также портретѣ его матери написано: „Родилась въ 1809 году“. И такъ, Бородинъ явился на свѣтъ, когда его отцу было 62 года, а матери только 25 лѣтъ. Отецъ его, князь Лука Семеновичъ Гедеановъ, былъ членъ Библейскаго Общества и потому представленъ на портретѣ (въ синемъ фракѣ) съ маленькимъ евангелиемъ въ рукахъ. У него сильно выраженная восточная фізіономія. Сынъ имѣлъ (судя по множеству портретовъ изъ разныхъ эпохъ его жизни) необыкновенное сходство съ отцомъ, и потому мы всѣ, близко знавшіе его, всегда были поражены характерностью его восточнаго типа. Мать Бородина, Авдотья Константиновна, рожденная Антонова, изъ Нарвы, во второмъ замужествѣ г-жа Клейнеке, жена военнаго медика, была необыкновенно красива въ молодости (это показываетъ ея портретъ, въ платьѣ декольтѣ), и даже до глубокой старости, когда мы ее знали, сохранила нѣкоторыя остатки прежней стройности и изящества. Въ эпоху рожденія Бородина она имѣла хорошія достатокъ и жила въ собственномъ каменномъ четырехъ-этажномъ домѣ, въ

Измайловскомъ полку. По привычкамъ тогдашняго времени, незаконнорожденнаго Сашу записали законнорожденнымъ сыномъ крѣпостнаго слуги князя Геданова. Двухлѣтнимъ ребенкомъ, Саша, однажды, бѣгая, запнулся о порогъ двери, ведущей на балконъ, страшно ударился и разсѣкъ себѣ лобъ такъ сильно, что шрамъ остался навѣки. Мать Бородина была женщина съ малымъ образованіемъ, но умная, энергичная, и со своими, очень опредѣленными взглядами на жизнь. Она была всегда противъ обученія дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ, и потому рѣшилась дать своему горячо-любимому сыну Александру воспитаніе домашнее.

<>

По словамъ К. С. Бородиной, жены Бородина, Александръ „въ раннюю пору своего дѣтства представлялъ изъ себя существо крайне нервное, болѣзненное. Это былъ чудный ребенокъ, красавецъ съ виду, а по свойствамъ характера – необыкновенно кроткій, ясный. Сколько нибудь грубаго слова никто отъ него никогда не слыхалъ. Мать его боготворила и баловала страшно. Она очень любила кошекъ и звала его „мой 100-рублевый котикъ“. Никакихъ педагогическихъ теорій она не знала, но умѣла не вредить ему своимъ баловствомъ и съ необыкновенною чуткостью изучала его нѣжную организацію и рѣдкую натуру...“

<>

По словамъ его брата, Д. С. Александрова, Бородинъ былъ ребенокъ болѣзненный, слабый, худенькій, и оставался такимъ даже лѣтъ до 13. Родственники совѣтовали матери не очень-то учить его, полагая, что у него чахотка и что ему недолго жить. Но она ихъ не слушала и бодро продолжала воспитаніе своего сына. Впрочемъ, ея попеченія о немъ были безпредѣльны, такъ что изъ опасенія, чтобъ его не раздавили лошади, она сама переводила его за руку черезъ дорогу даже тогда, когда ему было 14 лѣтъ.

Бородинъ былъ съ самаго дѣтства чрезвычайно понятливъ, способенъ, прилеженъ и отличался при занятіяхъ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Всего лучше онъ зналъ тогда языки: нѣмецкій и французскій. Первому онъ учился у фрейлейнъ Луизхенъ, нѣмки, проживавшей у нихъ въ домѣ, въ качествѣ домоправительницы и компаніонки матери; по французски онъ учился у француженки-учительницы, приходившей къ нимъ на уроки. На этихъ двухъ языкахъ онъ говорилъ совершенно свободно.

<>

„Дѣтство Саши, – говоритъ К. С. Бородина, – нераздѣльно шло съ кузиной Мари Готовцевой, воспитывавшейся у матери Саши. Дружба съ кузиной была страшная, хотя они и говорили другъ другу „вы“. Саша отличался совсѣмъ не мальчишескою любовью играть въ куклы, и привыкъ даже говорить про себя въ женскомъ родѣ: „я пришла“, „я ушла“. Мать свою, вслѣдъ за кузиной, онъ звалъ „тетенькой“. Вспоминая это время, мужъ мой часто впослѣдствіи говаривалъ мнѣ: „А все-таки какъ ни былъ я тихъ и скромнень, какъ ни похожъ нравомъ на дѣвочку, но во мнѣ порою сказывался мальчишка. Играешь, играешь съ кузиной въ куклы, и вдругъ, иной разъ, по какому-то странному вдохновенію, пока она зазѣвается, возьмешь да всѣ куклы и перевѣшаешь за шею на веревочкѣ. Куклы висятъ – я въ восторгѣ, а Мари заливается слезами“ У обоихъ дѣтей были большія склонности къ разнымъ фантастическимъ представленіямъ. Особенно Саша любилъ предаваться мечтаніямъ и улетать куда-то въ сказочный міръ. Толчкомъ къ такимъ путешествіямъ въ тридцатое царство было все: и купидоны, намалеванные на потолокъ, и излюбленный уголокъ на печкѣ. Очень любилъ Саша этотъ уголокъ. Оттуда ему виднѣлось какое-то окошечко и черезъ него часть сада, именно съ печки представлявшася ему чѣмъ-то волшебнымъ. Саша часто влѣзалъ на печку и видѣлъ тамъ необыкновенныя вещи. Намечтавшись вдоволь, онъ слѣзалъ къ своей Мари и дѣлился съ нею впечатлѣніями. „У меня, – говорилъ онъ, – большой дворецъ и тамъ я живу. Дворецъ высокій-высокій, – до неба“. Мари не отставала: у нея оказывался дворецъ еще выше – „до неба, да еще съ эту комнату“... Не отставала Мари отъ Саши также въ благонравіи. Взвѣсившись за

руки, приходили они бывало тихохонько къ тетенькѣ, и спрашивали позволенія — то идти внизъ на кухню, къ кухаркѣ Марьѣ Михайловнѣ, которая угощала ихъ разными разностями (особенно Саша былъ великій лакомка), то — „жениться“ „Можно, можно, — отвѣчала тетенька. — Вотъ вы теперь ступайте, поиграйте, а ужъ потомъ и женитесь“... Отъ временъ дѣтства у Саши осталась одна привычка: спать въ темной комнатѣ. Во всю его жизнь, въ спальнѣ у него на ночь всегда должны были быть спущены густыя занавѣски. Если же почему нибудь нельзя было этого сдѣлать, онъ, собираясь спать, завязывалъ себѣ глаза. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій Саши и Мари было устраивать театр. Тутъ они являлись и драматическими авторами, и актерами. Публикой для ихъ „Прекрасной Астраханки“ и проч., неизмѣнно должны были быть тетенька и бонна Луиза. Саша любилъ также представлять шарманщика. Влюбился Саша въ первый разъ 9-ти лѣтъ. Предметомъ его страсти оказалась взрослая особа. Звали ее Елена. Это была Елена и высокая, и толстая! Маленькому щедедушному Сашѣ приходилось, танцуя съ нею, обнимать ее колѣна, дальше роста его не хватало. Но какъ онъ ревновалъ ее, когда она танцевала съ другими! Въ честь ея онъ тогда же сочинилъ польку „Hélène“ (эта полька, F-Dur, находится въ бумагахъ Бородина) Вообще же музыкальность проявилась у него еще ранѣе. Они жили тогда около Семеновскаго плаца. Сашѣ было 8 лѣтъ. На плацу играла иногда военная музыка, и Саша, въ сопровожденіи Луизы, непремѣнно отправлялся ее слушать. Онъ перезнакомился съ музыкантами, разсматривалъ ихъ инструменты, слѣдилъ, какъ на каждомъ изъ нихъ играютъ. А дома садился за фортепіано, и по слуху наигрывалъ что слышалъ. Видя такую его любовь и способность къ музыкѣ, мать устроила для него уроки на флейтѣ. Солдатикъ изъ военного оркестра Семеновскаго полка приходилъ учить его, по полтиннику за урокъ“.

<>

На 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ Бородинъ получилъ товарища, который отъ сихъ самыхъ поръ и надолго впослѣдствіи игралъ очень значительную роль его въ жизни. Это былъ Михаилъ Романовичъ Щиглевъ, нынче извѣстный музыкальный преподаватель, а въ 50-хъ и 60-хъ годахъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей Даргомыжскаго и неизмѣнный членъ его музыкальнаго кружка. Отецъ его былъ преподавателемъ математики въ императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и Гатчинскомъ сиротскомъ Институтѣ. Маленькій Михаилъ Щиглевъ игралъ на фортепіано, лѣтъ съ 5, все по слуху; 6 или 7 лѣтъ отъ роду научился нотамъ отъ отца, а скоро потомъ сталъ учиться музыкѣ у довольно плохого учителя, Пормана. Когда ему было 12 лѣтъ, одинъ знакомый отца, Ѡ. А. Ѡедоровъ, привезъ къ нимъ въ домъ, въ Царское Село (гдѣ тогда помѣщался Лицей), маленькаго Бородина, совершенно однихъ съ нимъ лѣтъ. Знакомство двухъ мальчиковъ началось съ того, что они вцѣпились другъ другу въ волосы и такъ катались по полу.

<>

„Считая себя уже музыкантом, — рѣзываетъ въ своей, написанной для меня, запискѣ М. Р. Щиглевъ, — я положительно спасовалъ передъ новымъ моимъ гостемъ, который поразилъ меня своими необыкновенными музыкальными способностями. Ѡедоровъ уговорилъ моихъ родителей отдать меня въ Петербургъ, въ семейство Саши Бородина, чтобъ ближе было ходить въ 1-ю гимназію, куда меня хотѣли отдать, и чтобъ готовиться по наукамъ вмѣстѣ съ Сашей Бородинымъ, которому тоже нужно было подготавливаться къ Медико-хирургической Академіи. Такимъ образомъ, я переѣхалъ (въ 1846 г.) въ домъ къ матери А. П. Бородина, и насъ стали учить учителя, приглашенные отдѣльно для каждаго предмета. Русскому языку, исторіи и географіи училъ нѣкто Степановъ. Математику преподавалъ А. А. Скорюховъ, человекъ пьющій, но замѣчательно умный и знавшій свое дѣло. Французскому языку училъ французъ Béguin, изъ Лицея, страстный бильярдный игрокъ. Англійскому языку обучалъ Джонъ Роперъ, очень добродушный, но недалекій англичанинъ, служившій гувернеромъ въ Коммерческомъ училищѣ. Приходя на урокъ, онъ всегда объявлялъ матери Бородина, что очень вспотѣлъ и что у него „рыже подъ мышками“. Чистописанію, рисованію и черченію обучалъ Филадельфинъ, учитель 1-й гимназіи, бывшій

семинаристъ, неряшливый, съ длинными черными волосами, очень угрюмый человекъ. Понѣмецки продолжала учить нѣмка Луизхенъ. Былъ даже учитель для танцевъ, имъ Бородинъ учился еще раньше знакомства съ М. Р. Щиглевымъ, съ двоюродной сестрой своей Маріей Владиміровной Готовцевой, и когда она танцевала качучу, то онъ аккомпанировалъ ей на фортепіано. Учителемъ фортепіанной игры поступилъ, по рекомендаціи Щиглевыхъ, нѣмецъ Норманъ, человекъ очень методическій и терпѣливый, но преподаватель не мудрый“.

<>

Но, вступая въ новый домъ, М. Р. Щиглевъ скоро замѣтилъ, что у Саши Бородина не одна страсть къ музыкѣ, но есть еще другая, не менѣ сильная, страсть къ химіи. Не только его собственная комната, но чуть не вся квартира была наполнена банками, ретортами и всякими химическими снадобьями. Вездѣ на окнахъ стояли банки съ разнообразными кристаллическими растворами. И Сашу Бородина даже немножко за это преслѣдовали: во-первыхъ, весь домъ провонялъ его химическими препаратами, а, во-вторыхъ, боялись пожара. Въ свободное отъ уроковъ время, онъ занимался еще лѣпленіемъ изъ мокрой бумаги, гальванопластикой, составлялъ и дѣлалъ акварельныя краски, но всего болѣе игралъ съ М. Р. Щиглевымъ въ четыре руки.

<>

„Мы оба, – рассказываетъ этотъ послѣдній, – бойко играли и свободно читали ноты, и на первый же годъ переиграли въ четыре руки и знали чуть не наизусть всѣ симфоніи Бетховена и Гайдна, но въ особенности заигрывались Мендельсономъ. Рано начали мы съ Бородинымъ наслаждаться оркестровой музыкой. Мы слушали оркестръ въ Павловскѣ, гдѣ игралъ тогда Юганнъ Гунгль. Вскорѣ начались симфоническіе концерты въ Университетѣ, подъ управленіемъ Карла Шуберта. Мы не пропускали ни одного изъ этихъ концертовъ. Чтобъ познакомиться съ камерной музыкой, я самоучкой сталъ играть на скрипкѣ, а Бородинъ, также самоучкой, на віолончели“ ...

<>

Бородинъ, говорятъ, очень порядочно игралъ на флейтѣ. И именно вслѣдствіе прилежныхъ занятій съ этимъ инструментомъ у него явилась мысль самому сочинять что-нибудь для него. Первымъ сочиненіемъ Бородина вышелъ тогда концертъ для флейты съ фортепіано (первая половина D-Dur, вторая D-Moll), сочиненный имъ въ 1847 г., т. е. когда ему было 13 лѣтъ. Самъ онъ игралъ партію флейты, акомпанировалъ на фортепіано вѣрный другъ его, М. Р. Щиглевъ. Слѣдующимъ сочиненіемъ его было тріо для двухъ скрипокъ и віолончели (D-Dur), на темы изъ „Роберта“ Мейербера. Это было сочиненіе маленькое, занимало всего одну страницу, но замѣчательно было тѣмъ, что маленькій 13-ти-лѣтній Бородинъ написалъ его, безъ партитуры, прямо на голоса.

Въ 1848 году М. Р. Щиглевъ поступилъ въ 1-ю гимназію, но продолжалъ ходить во всѣ отпуска къ своему другу, и они попрежнему много играли въ 4 руки и на скрипкѣ съ віолончелью. Про характеръ своего брата въ этотъ періодъ жизни, Д. С. Александровъ рассказываетъ:

<>

„Мальчикъ онъ былъ тихій, спокойный, но нѣсколько разсѣянный. Если онъ чѣмъ нибудь увлекался, или просто былъ занятъ, то надо бывало повторить нѣсколько разъ вопросъ, прежде чѣмъ онъ на него отвѣтитъ... Нашей матери, – продолжаетъ Д. С. Александровъ, – совѣтовали отдать брата въ университетъ; но какъ разъ случились тамъ къ этому времени какіе-то беспорядки, и она отдумала. Одинъ знакомый (тотъ самый Ѳ. А. Ѳедоровъ, который за 4 года передъ тѣмъ познакомилъ Бородина съ Щиглевымъ) посовѣтовалъ отдать его въ Медико-хирургическую Академію, гдѣ былъ хорошо знакомъ съ инспекторомъ Ильинскимъ. Мать наша свезла Сашу къ этому инспектору, тотъ проэкзаменовалъ его во всѣхъ предметахъ, нашелъ его знанія очень удовлетворительными, и братъ, не имѣя еще полныхъ 16-ти лѣтъ, послѣ того поступилъ (въ 1850 г.)

вольнослушающимъ въ академію<sup>1</sup>. Все семейство перебралось на Выборгскую сторону, поближе къ Академіи, и поселилось на Бочарной (нынче Симбирской) улицѣ, противъ Артиллерійскаго училища, въ домѣ доктора Чарнаго. При переѣздѣ этомъ произошелъ одинъ пустой, но очень характерный случай. Мать наша не была ханжа, но очень религіозна, — рассказываетъ Д. С. Александровъ. — Она пожелала, чтобы раньше всего былъ перевезенъ на новую квартиру образъ Спасителя. Это она поручила Ѳ. А. Ѳедорову, а тотъ пригласилъ себѣ для компаніи учителя англійскаго языка, Джона Ропера. Друзья поѣхали, везя образъ и графинъ водки, назначенный для угощенія ломовыхъ извозчковъ. Но такъ какъ оба любили выпить, то по дорогѣ изъ Измаиловскаго полка на Выборгскую сторону выпили весь графинъ, да еще нѣсколько разъ заѣзжали въ погребки, и порядочно нагрузились. По приѣздѣ же на новую квартиру, Роперь поднявъ рюмку, провозгласилъ тостъ за великобританскій народъ. Ѳедорова это возмутило и съ возгласомъ: — А мы не посрамимъ земли Русской! — онъ ударилъ англичанина кулакомъ по носу и разбилъ въ кровь... Занятіямъ по Академіи братъ предался всей душой. Онъ скоро совсѣмъ провонялъ трупнымъ запахомъ препаровочной, и мы, дома, сильно на это жаловались. Читалъ онъ обыкновенно, сидя въ креслѣ и ноги положивъ на подоконникъ<sup>2</sup>. Дома почти всегда ходилъ въ халатъ и туфляхъ. На второмъ курсѣ ему пришлось, однажды, препаровать трупъ, у котораго прогнили позвонки. Братъ просунулъ въ отверстіе средній палецъ, чтобы изслѣдовать, насколько глубоко болѣзнь проѣла хребетъ. При этомъ какая-то тонкая кость впиалась ему въ палецъ подъ ноготь; отъ этого у него сдѣлалось трупное зараженіе, отъ котораго онъ слегъ и поправился лишь благодаря усиліямъ профессора Бессера. Учился братъ отлично и „первымъ“ переходилъ изъ курса въ курсъ. Разъ только, при одномъ переходномъ экзаменѣ, срѣзался у законоучителя Черепнина, потому что объяснялъ своими словами какой-то текстъ св. Писанія, тогда какъ требовалась буквальная его передача. Это нѣсколько повредило ему впоследствии: онъ кончилъ академическій курсъ безъ медали. Ближайшими товарищами его были, по большей части, все студенты-нѣмцы, чему особенно сильно способствовала антипатія нашей матери къ русскимъ, которыхъ она (хотя и русская, но родомъ изъ Нарвы) не долюбивала „за грубость нравовъ“. Изъ этихъ нѣмецкихъ товарищей хорошо помню: М. Ф. Ледерлэ, Вертера, Кноха, Цвернера, Ѳ. П. Ландцерта и Дистфельда, замѣчательнаго чудака, но предобрѣйшаго и ограниченнаго челоуѣка. Всѣ эти господа бывали у насъ часто, танцовали; въ разговорѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ“...



Въ Медико-хирургической Академіи Бородинъ почти съ самаго же начала всего болѣе сталъ заниматься химіей. Находясь на 3-мъ курсѣ, онъ отправился къ профессору химіи, знаменитому Зинину, съ просьбой заниматься въ академической лабораторіи. Зининъ встрѣтилъ его насмѣшками, не вѣря, чтобы студентъ его курса сталъ серьезно заниматься такимъ предметомъ: такихъ примѣровъ еще не бывало. Но вскорѣ Зинину пришлось убѣдиться въ томъ, что недовѣріе было напрасное. Бородинъ быстро пошелъ впередъ, а Зининъ сдѣлался самымъ ревностнымъ его покровителемъ и наставникомъ. Большую часть времени своего Бородинъ отдавалъ лабораторіи. Онъ увлекался своимъ профессоромъ и его преподаваніемъ. Въ своей превосходной біографіи Зинина, написанной въ 1880 г. вмѣстѣ со знаменитымъ профессоромъ Бутлеровымъ и напечатанной въ „Журналѣ Русскаго физико-химическаго Общества“ Бородинъ говоритъ: „Войдя въ составъ профессоровъ С.-Петербургской медицинскій академіи, Н. Н. Зининъ перенесъ сюда тѣ же живыя и высокія начала строгой науки, прогресса и самодѣятельности, которыхъ проводникомъ онъ былъ прежде въ Казани. Слово его съ каѳедры не только было

<sup>1</sup> Незадолго до поступленія въ Медико-хирургическую Академію, Бородинъ былъ приписанъ, по желанію матери его, въ купечество 3-й гильдіи по Тверской губерніи. В. С.

<sup>2</sup> По словамъ М. Р. Щиглева, Бородинъ почти никогда не читалъ романовъ, кромѣ самыхъ талантливыхъ. Въ 17 — 18-ти-лѣтнемъ возрастѣ любимымъ его чтеніемъ были сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, статьи Бѣлинскаго, философскія статьи въ журналахъ.

вѣрною передачею современнаго состоянія, но и трибуною новаго направленія въ наукѣ... Онъ не скупился на идеи, бросалъ ихъ направо и налево, и не разъ развивалъ на лекціяхъ многое такое, о чемъ нѣсколько лѣтъ спустя приходилось слышать, какъ о новомъ открытіи, или новой мысли въ наукѣ... Въ ту пору, еще начинающіе ученые, гости, спѣшили подѣлиться результатами своихъ первыхъ работъ, посоветоваться съ опытнымъ авторитетнымъ хозяиномъ лабораторіи Медико-хирургической Академіи, Зининымъ, о своихъ идеяхъ, планахъ, намѣреніяхъ. Лабораторія превратилась въ миниатюрный химическій клубъ, въ импровизированное засѣданіе химическаго общества, гдѣ жизнь молодой русской химіи кипѣла ключомъ, гдѣ велись горячіе споры, гдѣ хозяинъ, увлекаясь самъ и увлекая гостей, громко, высокимъ теноромъ, съ жаромъ развивалъ новыя идеи, и, за неимѣніемъ мѣла и доски, писалъ пальцемъ на пыльномъ столѣ уравненіе тѣхъ реакцій, которымъ впослѣдствіи было отведено почетное мѣсто въ химической литературѣ. Это была пора патріархальныхъ дружескихъ отношеній между учителемъ и учениками... Мнѣ живо помнятся веселія, чисто товарищескія и большею частью всегда поучительныя бесѣды Зинина со студентами... Живо помнятся мнѣ также прогулки съ нимъ на дачѣ въ каникулярное время. Это были настоящія учебныя экскурсіи. Опытный и страстный натуралистъ, Зининъ умѣлъ поды каждымъ листикомъ, камешкомъ, на каждомъ деревѣ или травкѣ найти интересный предметъ для наблюденія и бесѣды“.

Однако и музыка продолжала сильно занимать Бородина.



„Я взялъ нѣсколько уроковъ на скрипкѣ у скрипача Ершова, — рассказываетъ М. Р. Щиглевъ, — а Бородинъ также немного уроковъ на виолончели у виолончелиста Шлейко. Въ это время мы познакомились съ двумя Васильевыми, очень музыкальными личностями, имѣвшими для насъ немалое значеніе. Одинъ изъ нихъ былъ Вл. Ив. Васильевъ, пѣвецъ (впослѣдствіи басъ петербургской русской оперной труппы, извѣстный поды именемъ „Васильева 1-го“. Поды мой аккомпанементъ (говоритъ М. Р. Щиглевъ, скоро пріобрѣтшій большую опытность и умѣніе въ дѣлѣ аккомпанированія), Васильевъ много пѣлъ друзьямъ и знакомилъ ихъ съ вокальными сочиненіями. Другой былъ скрипачъ Петръ Ив. Васильевъ, который знакомилъ ихъ съ квартетной музыкой. Онъ игралъ 1-ю скрипку, М. Р. Щиглевъ-2-ю, Бородинъ-виолончель; альты занимали. Мы не упускали никакого случая поиграть тріо или квартетъ гдѣ бы то ни было, и съ кѣмъ бы то ни было. Ни непогода, ни дождь, ни слякоть — ничто насъ не удерживало и я, со скрипкой поды мышкой, а Бородинъ съ виолончелью въ байковомъ мѣшкѣ на спинѣ, дѣлали иногда громадныя концы пѣшкомъ, на примѣръ, съ Выборгской въ Коломну, такъ какъ денегъ у насъ не было ни гроша“.



Однажды музыкальное собраніе продолжалось у нихъ 24 часа, отъ 7 часовъ вечера одного дня до 7 часовъ вечера другого дня. Одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими квартетныхъ собраній происходило у Ив. Ив. Гаврушкевича, чиновника II-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи. Гаврушкевичъ былъ страстный любитель камерной музыки, самъ виолончелистъ, и у него въ продолженіе зимы собирались (отъ 1850 г. до 1860 г.), въ его квартирѣ, въ деревянномъ домикѣ Лисицына, на Артиллерійскомъ плацу, близъ Преображенскаго собора, многіе музканты изъ оркестра и любители.



„Участвовали здѣсь (пишетъ мнѣ И. И. Гаврушкевичъ изъ Чернигова) Н. Я. Аванасевъ, П. И. Васильевъ, Пикль, Яковлевъ-Якобсонъ, О. К. Гунке, О. К. Дробишъ, Лабазинъ, Д. Рѣзвый. Играли двойныя квартеты Шпора, Гаде, квинтеты Боккерини, Фейта, Онслова, Гебеля. Квартеты

(Мендельсона и др.) игрались у меня рѣдко, отъ обилія скрипачей и альтистовъ. Бородинъ только слушалъ, а если не было виолончелиста Дробиша, то участвовалъ въ квинтетахъ, въ партіи 2-й виолончели. Онъ слабо владѣлъ виолончельною техникою, но былъ твердъ въ темпѣ и живо схватывалъ красоты гармоническія и мелодическія. Съ любопытствомъ и юношескою впечатлительностью слушалъ А. П. Бородинъ квинтеты Боккерини, съ удивленіемъ — Онслова, съ любовью — Гебеля. У Гебеля онъ находилъ вліяніе русской Москвы. Нѣмцы не любили этого нѣмца за то, что отъ него пахло Русью. На моихъ собраніяхъ, А. П. Бородинъ являлся благодушнѣйшимъ юмористомъ, человѣкомъ сдержаннымъ, сосредоточеннымъ; каламбурилъ я, а онъ добродушно ухмылялся“.

<>

Во всю жизнь свою Бородинъ не забывалъ этихъ собраній, и, спустя 30 лѣтъ, всего за 9 мѣсяцевъ до смерти, онъ писалъ И. И. Гаврушкевичу, изъ Москвы (письмо 6-го мая 1886 года):

<>

„Я весьма часто и весьма тепло вспоминаю о васъ, о вашихъ вечерахъ, которые я такъ любилъ и которые были для меня серьезной и хорошей школой, какъ всегда бываетъ серьезная камерная музыка. Съ благодарностью вспоминаю я о вашихъ вечерахъ, и съ удовольствіемъ о вашихъ пельменяхъ, которые мы запивали „епископомъ“, какъ вы оригинально обозвали бишофъ“... Въ этомъ же письмѣ Бородинъ вотъ какъ отзывался о своей прежней игрѣ на виолончели: „Я давно бросилъ играть: во-первыхъ, потому, что всегда игралъ пакостно, и вы только, по милому благодушію вашему, терпѣли меня въ ансамблѣ — что правда, то правда! — во-вторыхъ, что отвлеченъ былъ другими занятіями, даже на поприщѣ музыкальномъ, гдѣ оказался пригоднѣе въ качествѣ композитора“.

<>

На собраніяхъ у И. И. Гаврушкевича иногда присутствовалъ также, въ 50-хъ годахъ, и Сѣровъ, и когда онъ съ жаромъ защищалъ, однажды, противъ нѣмецкихъ музыкантовъ, арранжировку Гаврушкевичемъ для струннаго октета „Хоты“ Глинки, говоря, что напрасно они не хотятъ признавать ничего и никого, кромѣ „нѣмецкаго“, то и Бородинъ съ нимъ соглашался.

<>

„А. П. Бородинъ говорилъ мнѣ, — рассказываетъ также И. И. Гаврушкевичъ, — что пробуетъ свои силы въ композиціи, а такъ какъ онъ любитъ и пѣніе, то начиналъ съ романсовъ, но не показывалъ ихъ, говоря, что передъ квартетами и квинтетами — все пустяки... Когда же я совѣтовалъ А. П. Бородину воспользоваться знакомствомъ съ О. К. Гунке, какъ опытнымъ руководителемъ композиціи,<sup>1</sup> да и написать квинтетъ съ двумя виолончелями, А. П. Бородинъ отвѣчалъ: „Это очень трудно, потому что здѣсь двѣ примы, и я не въ состояніи написать виолончельную паргію, чтобъ она была красива и въ натурѣ инструмента. Вѣдь вы видѣли, съ какимъ недовѣріемъ встрѣчаютъ даже артисты диллетанта, чиновника, имѣющаго другую профессию. Притомъ мнѣ стыдно будетъ передъ Зининимъ, который сказалъ въ аудиторіи: „Господинъ Бородинъ, поменьше занимайтесь романсами — на васъ, я возлагаю всѣ свои надежды, чтобъ приготовить замѣстителя своего, а вы все думаете о музыкѣ и двухъ зайцахъ“.

<>

Одинъ изъ романсовъ, про которые здѣсь говорится, написанъ былъ, по словамъ М. Р. Щиглева, Бородинимъ, на 4-мъ курсѣ Академіи, для Адел. Серг. Шашиной, пѣвицы-любительницы, обладавшей огромнымъ контральтовымъ голосомъ въ три октавы, отъ С до

---

<sup>1</sup> О. К. Гунке былъ сначала музыкантомъ петербургскаго опернаго оркестра, потомъ однимъ изъ преподавателей музыкальной теоріи. Сѣровъ не мало пользовался въ молодости его совѣтами и даже одно время бралъ у него уроки. Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ театральнотной нотной конторы, а подъ конецъ жизни библиотекаремъ консерваторіи.